

Азбука
PREMIUM

К Н И Г И
ФРИДРИХА ДЮРРЕНМАТТА
в серии
«Азбука Premium»:

СУДЬЯ И ЕГО ПАЛАЧ.
ПОДОЗРЕНИЕ

ОБЕЩАНИЕ

ПРАВОСУДИЕ. ПЕНСИОНЕР

ЛАБИРИНТЫ

МИССИЯ, ИЛИ
О НАБЛЮДЕНИИ НАБЛЮДАТЕЛЯ
ЗА НАБЛЮДАТЕЛЯМИ

ФРИДРИХ ДЮРРЕНМАТТ
Миссия, или
О наблюдении
наблюдателя
за наблюдателями

Санкт-Петербург

УДК 821(494)
ББК 84(4Шва)-44
Д 97

Friedrich Dürrenmatt
AUS DEN PAPIEREN EINES WÄRTERS
DER STURZ
ABU CHANIFA UND ANAN BEN DAVID
SMITHY
DAS STERBEN DER PYTHIA
MINOTAURUS
DER AUFTRAG
MIDAS

Copyright © 1986, 1988, 1991 by Diogenes Verlag AG Zürich
All rights reserved

Перевод с немецкого Галины Снежинской

Серийное оформление Вадима Пожидаева

Оформление обложки Ильи Кучмы

ISBN 978-5-389-11511-8

© Г. Снежинская, перевод, 2018
© Издание на русском языке,
оформление.
ООО «Издательская Группа
„Азбука-Аттикус“», 2018
Издательство АЗБУКА®

Из записок
охранника

Ранняя проза

Рождество

Это было на Рождество. Я шел по широкой равнине. Снег как стекло. Стужа. Воздух мертв. Все недвижно, беззвучно. Горизонт кругом. Небо черно. Звезды мертвы. Луну погребли вчера. Солнце не взошло. Я крикнул. Не услышал себя. Крикнул еще. И увидел на снегу тело. То был младенец Христос. Весь белый, окоченевший. Нимб — желтый заледенелый диск. Я поднял младенца. Развел в стороны и снова опустил его руки. Приоткрыл ему веки. У младенца не было глаз. Мне хотелось есть. Я съел нимб. Вкус как у черствого хлеба. Откусил голову. Черствый марципан. Я пошел дальше.

Рождество 1942

Истязатель

Глыбы каменных стен мертвы. Воздух закаменел. Давит нещадно земля. Из щелей сочится ледяная вода. Земля исходит гноем. Тьма подстерегает добычу. Палаческие щипцы грезят во сне. Сонный, пылает огонь. Липкая грязь мучений на стенах. Он сидит, забившись в угол. Настороженно слушает. Ползут часы. Он встает. Где-то наверху лязгнула дверь. Огонь, проснувшись, вспыхивает алым. Щипцы шевельнулись. Веревки потягиваются. Жестокые муки, отлипнув от стен, оседают на всех вещах. Застенок задышал. Шаги все ближе.

Он пытается. Стены стонут. Каменные глыбы ревут. Каменные плиты под ногами визжат. Из щелей тупо плянется ад. Воздух — кипящий свинец. Огонь летится на белую плоть. Прогибаются перекладины лестницы. Секунды длятся вечно.

Он снова сидит, вжавшись в угол. В его глазах пустота, руки как лед. Волосы слиплись. Застенок устал. Кровь уходит в щели. Камни стен застывают. Мерзость изливается сквозь решетки. Тишина душит. Просыпается время. Ощупью ползут секунды, часы громоздятся, налезая один на другой. Огонь лижет догорающие угли.

На город опустилась ночь. Звезды желты. Луна ржаво-коричнева. Дома расползлись, прижимаясь к земле. Он идет в переулок, заходит в кабак. Факелы горят черным огнем. Люди бегут прочь. Вино — стоялая кровь. Кто-то кричит. Вдалеке кто-то резко отодвигает стул. Раз-

дается скабрезный гогот. Какая-то женщина, кожа ее так бела. Чья-то рука на белом. Скрипнула дверь. Все стихает. К нему подсаживается незнакомец.

Он видит руки незнакомца. Узкие руки. Пальцы поигрывают тростью. Блестит серебряный набалдашник. Лицо незнакомца бледно. Глаза — две бездны. Вот губы разжались. Он говорит.

Ты палач. Ты последний из людей. Гнуснейший из людей. У меня есть золото. У меня есть жена и двое детей. Есть друзья. Однажды все это сгинет. Придет старость. Смерть. Тлен. Я стану падалью, как ты. Моя жизнь — это непрерывное нисхождение туда, где царит ничто. Твоя жизнь неизменна в этом царстве небытия. Завидую тебе. Ты счастливейший из людей.

Я изведал все наслаждения. Но мои наслаждения лопнули, как пузыри. Осталась мерзость. Твое наслаждение неисчерпаемо. Оно вечно. Ты истязаяешь. Под твоими руками рушится это иллюзорное создание — человек. Остается вопящая бессловесная тварь. Легчайшее твое движение рождает бесконечный страх. Ты — начало и конец¹. Хочу тебе предложить: поменяемся местами. Ты получишь мою жену. Мое золото. Мою молодость. Мою власть и силу. Я же стану палачом. Через два года встретимся снова. Не забудь: через два года. Иначе замена останется навечно.

Слова незнакомца грохочут в ушах, точно удары молота. Опрокидывается стакан. Вино разливается по столу. На полу осколки. Он смотрит в лицо незнакомца. Оно красиво. Одежда незнакомца богата. Он целует его узкие руки. И слышит свой собственный смех.

Они входят в большой зал. По стенам мечутся тени. В окнах пустота. Под потолком повисли нетопыри. Вместо пола зеркало. Синим огнем пылает жертвенная чаша. Над ней вертикальной струей поднимается дым. Он подает незнакомцу обе руки. Свет меркнет. Тени отрываются

¹ Откр. 1: 8.

от стен. Воздух звенит. Нетопыри раскачиваются, как маленькие колокола. Окна кружатся. Он видит — перед ним истязатель.

Громадная бесформенная туша. Выпирающие гнойные язвы. Белесая, тронутая гнием харя. Один глаз — красный, выпученный. Вместо зрачка нарыв. На губах пузырится слюна.

Он убегает прочь.

Он идет по улицам. Шагает все спокойнее. Он твердо решил: возврату не бывать. Его узкая рука поигрывает тростью. Восходит солнце. Дома светлеют. Небо огромно, как море. Люди принимаются за обычные дела. Ему улыбается какая-то девушка.

Он входит в дом. Каменные стены белы. Собаки отбегают и прячутся. Слуги кланяются. Он целует детей. Появляется женщина. Она изящна. Белокурые волосы. Маленькие ножки. Он смеется. Женщина его обнимает. Он гладит ее по груди.

Ночь полна покоя. День далек. Комната дышит ровно. Мрак источает тепло. Она лежит рядом, нагая. Ее кожа как облако.

Дни сменяют друг друга. Слагаются в месяцы. Проходит год. Улицы пусты. Руки играют тростью. Поблескивает серебро. Небо грузно нависает над землей. Вокруг бело. Снег скрипит. Он идет по аллее. На снегу лежит ветка. Где-то кричит ребенок. У ветки форма пыточных клещей.

Он сидит в кресле. Темно. Он пьет. Вино как стоялая кровь. Мрак проникает в поры. Тишина терзает. Огонь в камине пылает алым. Рядом, на белой стене трещина. Ударом ноги он спшибает со стены штукатурку. Выступают каменные глыбы. Он выходит во двор. Плетью насмерть забивает собак.

Назначенный час близок. Он устраивает пир. В зале шумно. Столы прогибаются. На лицах мерцает отблеск огня. У женщин полные плечи. Мужчины веселы. По стенам мечутся тени. Раздается скабресный гогот. Он целует ее. Она разрывает платье. Вино разливается по столу.

Кровь уходит в щели. Он срывается. Стремглав выбегает. Мчится по улицам. Дома свистят. Башни стрелами вонзаются в небо. Улица идет под уклон. Дома смыкаются все плотнее. Не дают пройти. Он, пробившись, врывается в зал. Жертвенная чаша разбита. Окна глядят на него не мигая. Пол усеян мертвыми нетопырями. Он ждет. Его губы трясутся. Истязатель не приходит.

Он тихо бредет назад. Холодное свинцовое небо. Его дом мертво-бледен. Женщина спит. Она лежит неподвижно. Ее волосы как золото. Он поднимает факел. Огонь льется на белую плоть. Спальня — застенок. Чей-то стон. Красная кровь.

Он сидит. Молча. Свет резок. Люди проходят мимо окна. Судьи что-то говорят. Он встает. Судьи говорят свое слово.

Галерея ведет все ниже. Она узка. Пол каменный. Стены из каменных глыб.

Открывается дверь. Помещение о четырех углах. Горит огонь. Воздух влажен. Из угла выдвигается тень. Из огня выступают щипцы. Тень все ближе. Он вскрикивает. Перед ним истязатель.

Он прикован. Его рот вопит. Каменный потолок валится. Воздух залепляет поры. Гири — стонущие земные шары. Застенок — весь мир. Весь мир — мука. Истязатель — Бог. Он истязает.

Кричит человек:

«Почему ты не пришел?»

Бог смеется:

«На что мне снова становиться человеком?»

Стонет человек:

«Зачем ты мучаешь меня?»

Бог смеется:

«Не нужна мне моя тень!»

Человек умирает.

Колбаса

Человек убил свою жену и наделал из нее колбас. Преступление выплыло наружу. Человека арестовали. Одну колбасу нашли в доме. Возмущение было огромное. Делом занимался верховный судья страны.

В зале суда светло. В окна бьет солнечный свет. Стены блестят, точно зеркала. Люди — сплошная бурлящая масса. Они заполняют зал. Сидят на подоконниках. Виснут на люстрах. Справа блестит лысина прокурора. Она красная. Слева адвокат. Стекла его очков — два слепых кружка. Обвиняемый сидит между двумя полицейскими. У него огромные ручки. Синюшные пальцы. Над всеми, на возвышении восседает верховный судья. На нем черная мантия. Его борода — белый флаг. В глазах строгость. На челе — ясность. Брови сдвинуты гневом. Его лик — сама человечность. Перед ним лежит колбаса. На блюде. Над верховным судьей — Фемида на троне. У нее завязаны глаза. В деснице — меч. В шуйце — весы. Она каменная. Судья поднимает руку. Люди умолкают. Движение замирает. В зале тишина. Время настоже. Встает прокурор. Его живот — земной шар. Его губы — гильотина. Язык — топор. Слова с грохотом обрушиваются в зал. Обвиняемый вздрагивает. Судья слушает. Между бровей у него вертикальная морщина. Глаза как два солнца. Их лучи ударяют в обвиняемого. Он поникает. Его колени трясутся. Руки молят. Язык вываливается наружу. Уши оттопырены. Колбаса на блюде перед верховным судьей

багрова. Она лежит тихо. Она набухает. У нее круглые концы. На концах желтые веревочки. Она покоится. Верховный судья взирает с возвышения на низшего из людей. Тот плюгав. Кожа как дубленая шкура. Рот — точно клюв. Губы — пятно запекшейся крови. Глаза — две булавочные головки. Лоб покатый. Пальцы толстые. Колбаса хорошо пахнет. Она придвигается ближе. Оболочка на ней жесткая. Сама колбаса мягкая. Она неподатлива. От ногтя остается серповидная ямка. Колбаса теплая. С пухлыми формами. Прокурор умолкает. Обвиняемый поднимает голову. Смотрит, как замученный ребенок. Верховный судья взмахивает рукой. Всклакивает защитник. Его очки пляшут. В зал сыплются слова. Над колбасой плывет парок. Теплый парок. Щелкает складной ножичек. Из колбасы брызжет сок. Защитник умолкает. Верховный судья обращает взор на обвиняемого. Тот далеко внизу: блоха. Верховный судья качает головой. Взгляд его полон презрения. Верховный судья начинает говорить. Слова — разящие мечи Правосудия. Слова низвергаются на обвиняемого горным обвалом. Фразы — кнуты и петли. Они хлещут. И душат. И умерщвляют. А мясо мягко. Мясо сладко. Мясо нежно, как масло. Кожица чуть жестковата. Стены грозно гудят. Потолок стискивает кулаки. Окна скрежещут. Двери рвутся с петель. Каменный цоколь топчет ногами. Город бледнеет от ужаса. Леса высыхают. В водоемах иссыкает вода. Земля содрогается. Солнце меркнет. Небо во мраке. Оглашается приговор. Смерть разевает свою пасть. Ножичек кладется на стол. Пальцы липкие. Вытираются о черную мантию. Верховный судья молчит. Зал мертв. Воздух гнетущ. Легкие залиты свинцом. Людей бьет дрожь. Обвиняемый прилип к скамье. Он обречен. Ему разрешают высказать последнюю просьбу. Он сжимается в комок. Просьба червем выползает из его мозга. Маленькая. Она растет. Делается гигантской. Крепнет. Формируется. Разжимает ему губы. Рвется в зал суда. И звучит. Извращенный садист и убийца хочет съесть оставшееся от не-

ФРИДРИХ ДЮРРЕНМАТТ

счастной жены — колбасу. Вопль омерзения. Верховный судья поднимает руку. Люди умолкают. Верховный судья — точно Бог. Голос его — трубный глас Страшного суда. Он повелевает удовлетворить просьбу. Осужденный да съест колбасу. Верховный судья устремляет взор на блюдо. Колбасы нет. Он молчит. В зале гнетущая тишина. Люди смотрят на верховного судью. Осужденный таращит глаза. В них застыл вопрос. Вопрос ужасен. Вопрос изливается в зал. Оседает на пол. Цепляется за стены. Повисает под потолком. Овладевает каждым человеком. Зал расширяется. Весь мир обращается в чудовищный вопросительный знак.

Зима 1943

СЫН

Хирург, снискавший громкую известность своей деятельностью в качестве главного врача прославленной клиники, а также научными достижениями и не меньшую популярность завоевавший своей благотворительной поддержкой бедняков, удивил, даже ошарашил, друзей и коллег, так как, находясь на вершине карьеры, разом все бросил, разослал брачные объявления во все газеты страны, въедливо и дотошно изучил полученные многочисленные предложения, затем обошел все городские бордели, где вел долгие разговоры с девками, уясняя себе характер и жизненные обстоятельства каждой, с которой имел дело, и этими нелепыми выходками возбудил недоумение и подозрительность — ведь считали его холостяком строгих моральных правил, — а под конец он стал домогаться благосклонности восемнадцатилетней красавицы, дочери богатого фабриканта, встретив же резкий отпор с ее стороны, силой взял девушку, заманив к себе домой, а когда она родила, спустя положенный срок, в его частной клинике и лишь под его присмотром, он бросил юную роженицу умирать от сильнейшего кровотечения, забрал ребенка, на бешеной скорости умчался на автомобиле в свою новую виллу, построенную посреди ожившего парка в полусотне километров от города, и там, в полном уединении, не нанимая даже няньки-кормилицы, вырастил сына, который ходил в доме нагишом, как и отец, и ни в чем не знал отказа, чего бы ни пожелал,

однако стараниями отца не получил ни малейшего представления о добре и зле и был столь умело огражден от любого общения с людьми, что пребывал в убеждении, будто ни мира вне виллы и парка не существует, ни людей, кроме отца и его самого, да так и жил, покуда отец не привел ему, пятнадцатилетнему, проститутку из самого дешевого борделя, и тогда, не встретив препятствий со стороны отца, он, в первозданной наготе, покинул парк, однако через час вернулся, чтобы потребовать себе одежду, а через сутки убил в городе человека, не пожелавшего дать ему хлеба даром, и, почти затравленный полицейскими собаками, с окровавленными руками и лицом, спасаясь от погони, прибежал к отцу, который его принял, ни о чем не спрашивая, а полицейских разогнал очередями из ручного пулемета, потом же, когда начался штурм, забаррикадировался вместе с сыном в одной из комнат и с бешеным упорством, невзирая на то что разнесенную гранатами виллу пожирало пламя, отбивал атаки полицейских, прятаясь за деревьями и кустами парка, снова и снова обращал в бегство многочисленных врагов, уже всю землю усеяв мертвыми телами, до тех пор пока тяжело раненный сын — пуля раздробила ему плечо, — обливаясь кровью, задыхаясь от дыма, не выкрикнул яростное проклятие отцу, за то, что вырастил из него злобную бестию и люди, неведомо по какой причине, травят его собаками и преследуют, как зверя, после чего отец, не моргнув глазом, сына пристрелил.

Зима 1943

Старик

Мощные скопления танков перевалили через холмы, и сопротивление стало безнадежным. Но люди все-таки сражались, должно быть, верили в чудо. Разбивались на группы, окапывались. Некоторые сдавались в плен, большинство погибало, лишь немногим удалось уйти в леса. И вдруг сражение прекратилось — гроза иногда так прекращается. Оставшиеся в живых побросали оружие и, подняв руки, выходили к врагам. Ужас лишил людей силы. Чужие солдаты наводнили страну, точно полчища саранчи. Они вступали в старые города. Тяжелым шагом проходили по улицам, людей на ночь загоняли в дома. Тяжелые броневики катили через деревни, проламывая стены, круша домишки, потому что в деревнях сопротивление все еще не погасло. Тайный его огонек теплился в уклончивых взглядах подростков, в медлительной важности стариков, в горделивой осанке женщин. Сопротивление, подобно чуме, отравило воздух, чужакам дышалось так, словно они очутились в местности, где свирепствует эпидемия. В одиночку или группами мужчины совершали вылазки и снова скрывались в дремучих лесах, куда ни один чужак не смел сунуться. Открытых столкновений с врагом пока не случалось, однако сотрудничавших с ним нередко находили убитыми. Потом вспыхнуло восстание. Мальчишки и древние старцы с плохонькими ружьями бросились на врага, — враг радостно ударил в ответ, будто очнувшись от ночного кошмара; даже де-

ревенские женщины пошли на врага с косами и вилами. Бой продолжался сутки, потом восстание захлебнулось. Деревни окружили, жителей согнали и расстреляли из пулеметов. Не одну неделю были светлы ночи от зарева горящих лесов.

И стихло все — такая тишина настает в могиле, когда гроб накроет землей. Люди зажили по-старому, как будто ничего и не было. Хоронили мертвецов. Крестьяне вернулись на поля, ремесленники — в мастерские. Но где-то в потаенной глубине крепло и росло то, чего эти люди прежде не знали, — ненависть. Она завладела ими всецело, она преисполнила жаркой силой, окрасила всю их жизнь. Однако это была не та ярая, неукротимая ненависть, что рвется к действию, ибо только им и живет, — их ненависть умела ждать, долгими годами, и таилась под спудом, не выплескиваясь на поверхность. Она слилась воедино с самим существом людей и не искала выхода, — нет, она, словно вонзенный меч, все глубже входила в людские души, но не с тем чтобы уничтожить, а чтобы закалить их своим жаром. Подобно тому как, преодолевая огромные расстояния, долетает к нам звездный свет, эта ненависть устремилась на конкретное лицо, обретавшееся где-то на заднем плане, в непроглядной темени, незримо для глаз, как многие образы бездны: люди ничего не знали о нем наверняка, — лишь то, что от него все адские муки, которые они претерпевают. К этой фигуре, Старику, как его называли, ненависть угнетенных была столь сильна, что даже на вражеских солдат люди смотрели равнодушно или с презрительной усмешкой. Инстинкт ненависти подсказывал им: эти чужаки, с виду одинаковые в своей военной форме, в стальных касках и коротких грубых сапогах, истязают народ не по причине своей жестокости, а оттого, что сами преданы безраздельной власти Старики. Солдаты действовали точно лишённые своей воли орудия, не имеющие ни свободы, ни надежды, ни разума, ни страстей, брошенные пропадать в чужой стране, среди людей, у которых вторгшиеся при-

шельцы вызывали презрение, как вызывают презрение орудия пытки или гнусное ремесло палача. Все были скованы единой колоссальной цепью — угнетатели и угнетенные, как рабы на галерах, закон же, который устанавливал такой порядок, зиждился на власти Старика. Люди озлобились, в отношениях исчезла всякая человечность, и чем сильнее ненависть завладевала народом, тем свирепей расправлялись с ним чужеземные солдаты. Они истязали женщин и детей, чтобы не столь остро ощущать мучения, которые приходилось терпеть им самим. Во всем царила необходимость, подобная той, что отличает книги по математике. Вражеская армия была гигантской, хитро устроенной машиной, она, навалившись всей тяжестью, давила страну, и где-то должен был находиться мозг, управляющий этой машиной для достижения своих целей, человек из плоти и крови, которого можно ненавидеть всеми силами души, Старик, о ком говорили с опаской, шепотом, оставшись в узком, самом узком кругу. Никто не видел его лица, никто не слышал его голоса, не знали даже его имени. Жестокие карательные операции проводились от имени безликих генералов, подчинявшихся Старика, но, возможно, слыхом не слыхавших о нем и даже питавших иллюзию, будто они действуют по собственному усмотрению.

Знание, что Старик есть, и ненависть к нему были тайной силой угнетенных, дающей им превосходство над врагом. Чужеземные солдаты не питали ненависти к Старика, они не знали, что он есть, — так детали машин не догадываются о существовании человека, которому машина служит; они не питали ненависти и к народу, который угнетали, однако они чувствовали, что народ черпает силу в своей ненависти, направленной против чего-то, самим солдатам неизвестного, но таинственным образом с ними связанного. Народ все откровенней презирал солдат, солдаты проявляли все большую жестокость и — растерянность. Они не сознавали, что делают и зачем находятся среди чужих людей, столь непреклонно и люто их

ненавидящих. Было нечто превыше них, распоряжающееся ими как животными, которых дрессируют для каких-то целей. И они жили бездумно, точно призраки, что бродят по земле долгими зимними ночами.

Однако над всеми — чужеземными солдатами, крестьянами, жителями старых городов — днем и ночью кружили гигантские серебряные птицы, по искреннему убеждению народа, подчиненные непосредственно Старику. Они кружили далеко и высоко, так что лишь изредка можно было услышать гудение их моторов. Иногда они, точно ястребы на добычу, камнем падали вниз и сбрасывали смертоносный груз на деревни, которые мгновенно охватывало алое пламя, или на свои же войсковые части, если те медлили с исполнением приказов.

А затем ненависть угнетенных достигла такого накала, когда даже слабый человек становится способен на величайший подвиг, и вот тогда одной молодой женщине выпало найти того, кого она ненавидела больше всех на свете. Мы не знаем, как она пробралась к нему. Мы можем лишь предположить, что исступленная ненависть наделяет человека прозорливостью и делает его неуязвимым. Женщина проникла к Старику, никто не пытался ее остановить. Она застала его одного, в маленьком старинном зале с открытыми настежь окнами, в которые лились потоки солнечного света и веселый птичий щебет, с древними книгами и бюстами мыслителей на полках. Все здесь было самым обыкновенным, ничто не говорило о том, что Старику надо искать именно в этом зале, однако женщина сразу поняла, кто перед ней. Он сидел за столом, глядя на большую развернутую карту, огромный, неподвижный. На пришедшую он посмотрел спокойно, положив руку на холку большой, сидевшей у его ног собаки. В его взгляде не было и тени угрозы, но не было и любопытства, откуда тут женщина. Она остановилась, видя, что проиграла. И все-таки выхватила спрятанный в складках одежды револьвер и направила на Старику. Тот даже не усмехнулся. Некоторое время он равнодушно

смотрел на женщину, потом, наконец поняв все, протянул ладонь, как ребенку, который ему, взрослому, хочет что-то подарить. Она приблизилась и положила револьвер в протянутую руку; пальцы Старика мягко сжали револьвер, медленно опустили на стол. Все совершалось без единого звука и как-то по-детски, в то же время все было до ужаса бессмысленно и незначительно. Потом он перевел взгляд на карту, словно начисто забыв о случившемся.

Она хотела бежать, как вдруг Старик заговорил.

— Вы пришли убить меня, — сказал он. — Совершенно бесполезное дело то, что вы затеяли. Нет ничего столь малозначащего, как смерть. — Он говорил неторопливо, голос его звучал мягко, однако его самого, по-видимому, не заботила суть сказанного. — Откуда вы? — спросил он, не поднимая глаз от карты.

Она назвала город. После долгой паузы, не без труда отыскав его на карте, Старик сказал, что город помечен красным крестом, а значит, будет разрушен. Затем он молча принялся чертить линии на карте, размашисто, вдоль и поперек. Сложные, фантастические кривые, причудливые и прихотливо симметричные, — они притягивают взгляд, заставляют проследживать свой ход и безнадежно запутывают мысли. Женщина стояла поодаль, в нескольких метрах, и смотрела на него, темной громадой нависшего над картой. Стояла в лучах вечернего солнца, тех же, что мягким золотом облекали Старика. Он не обращал внимания ни на солнце, ни на женщину, которая пришла убить его и не смогла. Он пребывал в пустоте, там, где уже нет никаких человеческих отношений и нет ответственности перед людьми. Он не испытывал к ним ненависти, не испытывал и презрения, — он игнорировал людей, и у женщины зародилась догадка, что в этом кроется источник его власти. И она стояла перед ним точно осужденная, не ощущая к нему ненависти, и ждала смерти, которая постигнет ее по мановению Старика. А потом она осознала, что он забыл о ней, о ее деянии и можно идти

на все четыре стороны, но осознала также, что это и есть его отмщение, сокрушающая сила которого ужасней смерти. Она медленно направилась к двери.

Тут, насторожившись, громко подала голос черная собака. Женщина обернулась, и тогда Старик поднял взгляд. Его пальцы обхватили револьвер, из которого она хотела его застрелить. Она увидела: он отдает ей оружие, лежащее на его ладони. Этим нечеловеческим, бесконечно унижительным жестом он уничтожил зиявшую между ними пропасть и раскрыл сокровенное существо своей власти, которая в конце концов неизбежно губит себя самое, как всякое явление, абсурдное по своему существу. Женщина встретила его взгляд — в нем не было насмешки и не было ненависти, но не было и доброты, а также понимания, что в этот миг он возвратил ей все, что прежде отнял, — ненависть и силу, необходимую для убийства. Она спокойно взяла оружие с протянутой ладони и, нажимая курок, ощутила в себе ту ненависть, какую люди временами испытывают к Богу. Он аккуратно положил на стол карандаш, которым чертил на карте, и повалился наземь, медленно, как срубленный под корень древний, посвященный богам дуб, и собака тихо принялась лизать лицо и руки мертвеца, не обращая на женщину ни малейшего внимания.

Образ Сизифа

Минувшей зимой случай забросил меня в деревню одного из франкоязычных кантонов, но уединенно прожитые там недели помнятся мне смутно, словно греза или сон. Длинные белые волны холмов предстают явственно, а вот из нескольких деревенских домишек таинственным образом сложилась головоломка лестниц, коридоров и каких-то угрюмых помещений, в которых я беспокойно тычусь туда-сюда. И только одно впечатление от тех сгинувших недель прочно застряло в голове, — как, бывает, ненароком помотришь на солнце, и потом в глазах еще долго плавают яркие пятна. Вот что я помню. На каком-то повороте лестницы, уходящей куда-то в темноту, я остановился у окна, почти доверху затянутого морозными узорами, и заглянул в освещенную комнату. В ней разыгрывалась отчетливо видимая, но совершенно беззвучная сцена. Даже мелкие детали остались в моей памяти, я могу сказать, какого цвета были одежды на детях, особенно запомнилась мне огненно-красная, расшитая золотом жакетка на белокурой девочке. Дети строили на круглом столе большой карточный домик, и, помню, я подивился их крайне осторожным движениям. Но, построив домик, дети тут же принялись его разрушать. Именно принялись — не смахнули разом, как я ожидал, а потихоньку, снимая карту за картой, уничтожили свое творение так же кропотливо и старательно, как его создавали. Эта странная развязка вызвала у меня воспоминание о гибели одного человека, случившейся очень давно. Там, на лестнице, когда под прикрытием темноты я смотрел на детей, за пред-

ставшей моим глазам мирной картиной словно проступила другая, куда более загадочная и странная, однако определенно бывшая ей сродни. Она виделась вначале смутно, потом все яснее, и наконец мне — моим мыслям — явился, как мертвец, призванный магическим ритуалом, бедняга, о ком я столь долгое время не решался вспоминать. Зрелище занятых игрой детей вызвало его образ, он не был страшен, ибо предстал смягченным в трепещущем свете воспоминания и все же резко очерченным: в нем внезапно раскрылась внутренняя сущность. Бывает, на рассвете сначала проступают очертания горизонта и лишь затем какие-то отдельные предметы, — так в моей памяти всплыли различные черты этого человека.

Ожили и смутные подозрения, которые когда-то носились вокруг него. Помню, что карты, лежавшие перед детьми, напомнили о его тайной страсти к азартной игре — ходил такой слух, но долгое время я считал его одной из легенд, сочинявшихся об этом неординарном человеке, — не догадываясь, разумеется, о жестокой иронии его судьбы. В то время я заблуждался на его счет, и обмануло меня то, что он окружил себя такими вещами, над которыми не властно сиюминутное. Между тем меня должны были насторожить его речи — он любил поговорить о том, как хорошо он разбирается в искусстве, лучше, чем все мы, и это, дескать, потому, что он предан мгновению и поэтому любит произведения искусства так же невозмутимо, как мы — звездами. И еще мне кажется сегодня важным то, что я начисто забыл имя этого человека, если память мне не изменяет, студенты прозвали его Красным Плащом¹. Откуда взялось это про-

---

¹ Здесь не исключена аллюзия на «красный плащ» из романтической новеллы Вильгельма Гауфа (1802–1827) «История об отрубленной руке»: красный плащ становится предметом, с помощью которого осуществляется манипулирование персонажем. Стоит обратить внимание и на то, что в новелле Ф. Дюрренматта «Миссия, или О наблюдении наблюдателя за наблюдателями», по-видимому, играет сходную роль рыжая шубка (тем более что в немецком языке соответствующие слова практически одинаковы).

звище, если оно и правда было, опять-таки не знаю, но наверняка здесь сыграло роль его пристрастие к красному цвету.

В основе могущества людей, имеющих большую власть над другими, зачастую лежит нераскрытое преступление, — так было и с ним, нажившим огромное состояние, о котором рассказывали фантастические истории. Подобные преступления редко проистекают от человеческой испорченности, — скорей они служат средством, чтобы отомкнуть закрытые для этих людей двери в высшее общество.

Однако преступление Красного Плаща было странным, как и все, за что бы он ни брался, и странным было то, *как* он из-за своего преступления погиб. Но, не стану скрывать, мне трудно, ничего не упустив, воссоздать в памяти и мыслях всю цепь событий, которые привели его к гибели. Должно быть, дело в самой природе памяти — вспоминая, мы лишь с внешней стороны и вне времени видим то, что было пережито нами в известное время, и потому чувствуем неуверенность — мы догадываемся о подспудном расхождении наших воспоминаний с тем, что действительно было. И мы никогда не помним одинаково ясно все эпизоды последовательно происходивших событий: одни скрываются в непроницаемой тьме, другие словно озарены ярчайшим светом. Поэтому мы так часто ошибаемся относительно последовательности событий — мы располагаем их, мысленно, по степени яркости, а значит, невольно отступаем от истины. Вот и в моей памяти озарен призрачным мерцанием тот вечер, когда мне впервые приоткрылось, сколь бешеной силы был водоворот, впоследствии увлекший Красный Плащ в бездну.

Тот вечер поздней осени мы проводили в доме одного из самых богатых и самых несчастных людей нашего города; он умер всего несколько лет назад в жесточайшей нужде. Явственно вижу, как я и мой врач — он лечил меня на протяжении всей моей долгой болезни — входим в ком-

натку рядом с большим залом: в ней необычный сводчатый потолок и стены, из-за которых шум праздника чуть доносился, звуча как таинственная музыка. Кажется, мы вели очень обстоятельную беседу, что отвечало характеру доктора, и я все порывался опровергнуть какое-то возражение, которое он настойчиво повторял, какое-то странное утверждение, теперь уж не помню, о чем шла речь. Утомительный разговор, безнадежное хождение по кругу. Мы лишь тогда замолкли, когда заметили на стене картину в массивной раме, маленького формата, на ней было начертано имя нидерландца Иеронима Босха. Мы остановились, с изумлением глядя на эту маленькую картинку, написанную на деревянной доске: перед нами полыхал ад с его самыми жуткими, самыми сокровенными муками, странно размещенные красные тона вызывали тревожное беспокойство. Глазам предстало бушующее море огня, рождающее все новые, бесчисленные пламенные формы, и далеко не сразу мне удалось уловить закономерности, полагаю, присущие этой картине. Прежде всего, я заметил, что мой взгляд, искусно направляемый загадочным живописцем, снова и снова возвращался к фигуре обнаженного человека на заднем плане: едва различимый за несметными толпами истязаемых, он катил огромную скалу к вершине горы, угрожающе высившейся среди багрово-красного кровавого моря. Это был, конечно, Сизиф, самый хитрый и изворотливый из смертных, если верить преданию. Я понял, что его фигура и есть тот центр, вокруг которого все обращается, как вокруг солнца. В то же время мне вдруг подумалось, что картина старого мастера говорит о судьбе Красного Плаща, на своем языке образов, который я тогда, конечно, не мог расшифровать. Наверное, массивы пылающих красных тонов навели меня на эту догадку, превратившуюся в уверенность, как только появился вместе с хозяином дома, банкиром, сам Красный Плащ. Они вошли молча, оба, в отличие от большинства гостей, были без масок, в вечерних костюмах; держались в рамках безупречной светской вежли-

вости, но взгляд у обоих был ледяным. Я догадался, что между ними произошло что-то ужасное, сделавшее их врагами не на жизнь, а на смерть, и это как-то связано с картиной Босха, но как связано, я не понимал.

Впрочем, это длилось ровно мгновение. Банкир и мой доктор вернулись в зал, а Красный Плащ вовлек меня в странную и темную беседу о Сизифе, захватывавшую все более опасные области, куда разум, вообще-то, заглядывает крайне неохотно. Вдобавок в его словах проблескивал тот пылающий фанатизм, что отличает людей, преисполненных решимости весь мир принести в жертву своей идее. Хотя в моей памяти уцелели лишь фрагменты той беседы, я помню, что Красный Плащ очень убедительно говорил о своей любви, диковинной и жаркой, к старинной картине, он, кстати, не сводил с нее глаз во все время нашего разговора. Мне смутно припоминаются его намеки на некие таинственные параллели между мукой Сизифа и сущностью ада как такового. Еще он с усмешкой упомянул об иронии, которая якобы присутствует в адских мучениях и пародийно обыгрывает вину мучеников, отчего пытка становится вдвойне ужасной.

Все остальное из тогдашнего разговора забылось, как тяжелый сон, не помню даже, как мы простились, и от праздника, шумевшего до самого утра, в памяти остались лишь рожицы кобальдов — черные и пронзительно-желтые маски на лицах танцовщиц.

Потом, помню, мы с врачом пошли домой, задолго до окончания праздника, — из-за болезни я вынужден был раньше времени уйти из гостей, — вокруг клубился густой туман, изредка мерцавший беловатым светом; все расстояния и пропорции пространства разрушились, мы словно брели в подземелье, куда проникли тайком. Это ощущение близкой опасности еще усиливалось, так как впереди маячила фигура какого-то мужчины, мы упрямо старались догнать незнакомца, почему-то вообразив, что это Красный Плащ, а он уже давно вызывал у доктора

большой интерес. Однако попытки наши были безуспешны, тот человек каждый раз обманывал наши ожидания и каким-то непостижимым образом оставлял нас в дураках, отчего делалось не по себе. Так шли мы все дальше и, оробев, высматривали в тумане фигуру идущего впереди, а она то исчезала из виду, то вдруг появлялась так близко, что казалось, вот-вот дотянешься рукой. Тем временем врач очень тихо, словно опасаясь, что его услышат, заговорил о Красном Плаще. Важнейшие моменты его рассказа так или иначе касались того, что Красный Плащ много раз пытался приобрести картину Босха, однако банкир упрямо отказывался уступить ее даже за огромные деньги. Отсюда врач сделал предположение, которое он поначалу никак не обосновал, а именно, что Красный Плащ прибегнет к любым средствам, даже пойдет на преступление, лишь бы завладеть изображением Сизифа. Я постарался развеять его обеспокоенность и, помню, почувствовал понятную досаду, оттого что всякий разговор с моим доктором неизменно скатывался в неопределенность, так как он никогда не апеллировал к реальным вещам, а предпочитал бродить по глухим тропкам смутных предположений и догадок. Этот врач, которого я и сегодня вспоминаю с величайшей благодарностью, отличался виртуозным умением в любой вещи обнаруживать ее сомнительные стороны, и еще он любил открывать собеседнику глаза на какое-то явление, только если оно обреталось на краю бездны. Вот и тогда он обезоружил меня, заявив, что Красный Плащ несколько лет тому назад сам был владельцем Босха — приобрел картину у старьевщика за сущие гроши, а потом продал за баснословную сумму; еще доктор сказал, есть, мол, некоторые сведения о том, что когда-то Красный Плащ был неимущим бедняком. И, уже проводив меня до дому, врач заметил с усмешкой — сегодня, в воспоминании, она кажется мне язвительной, — дескать, не стоит сбрасывать со счетов некий слух, якобы проливающий свет на темное прошлое Красного Плаща, а именно: в юности

Содержание

ИЗ ЗАПИСОК ОХРАННИКА. <i>Ранняя проза</i>	
Рождество	7
Истязатель	8
Колбаса	12
Сын	15
Старик	17
Образ Сизифа	23
Режиссер	35
Западня	44
Пилат	63
Город	76
Из записок охранника	99
СВЕРЖЕНИЕ	135
АБУ ХАНИФА И АНАН БЕН ДАВИД	183
СМИТИ	205
СМЕРТЬ ПИФИИ	231
МИНОТАВР. <i>Баллада</i>	267
МИССИЯ, ИЛИ О НАБЛЮДЕНИИ НАБЛЮДАТЕЛЯ ЗА НАБЛЮДАТЕЛЯМИ	
<i>Новелла в двадцати четырех секвенциях</i>	291
МИДАС, ИЛИ ЧЕРНЫЙ ЭКРАН	365

Дюрренматт Ф.

Д 97 Миссия, или О наблюдении наблюдателя за наблюдателями : рассказы, баллада, новелла, киносценарий / Фридрих Дюрренматт ; пер. с нем. Г. Снежинской. — СПб. : Азбука, Азбука-Аттикус, 2018. — 416 с. — (Азбука Premium).

ISBN 978-5-389-11511-8

Прозу крупнейшего швейцарского писателя Фридриха Дюрренматта можно условно разделить на две книжные полки. На первой окажутся знаменитейшие детективы, такие как «Обещание», «Судья и его палач», «Правосудие» и другие, любимые читателями по всему миру. На второй, гораздо более объемной, — необыкновенные книги, отличающиеся тайнами, загадками и замысловатыми сюжетами, которые разбегаются в разные стороны, подобно расходящимся тропкам Борхеса и Кафки. Именно такие сюжеты, взятые со второй полки, собраны в настоящем издании. Сюда вошли произведения разных лет: короткие абсурдистские зарисовки соседствуют с арабской сказкой, фантазии на мифологические темы — с политической притчей. Особое место занимает широко известная новелла «Миссия, или О наблюдении наблюдателя за наблюдателями» — история о девушке Тине, убежавшей из дома и погибшей при загадочных обстоятельствах в африканской пустыне.

Все произведения публикуются в новом блестящем переводе Галины Снежинской, передающим всю сложность, богатство и красоту оригинальных текстов Фридриха Дюрренматта.

УДК 821(494)
ББК 84(4Шва)-44

Литературно-художественное издание

ФРИДРИХ ДЮРРЕНМАТТ
МИССИЯ,
ИЛИ О НАБЛЮДЕНИИ НАБЛЮДАТЕЛЯ
ЗА НАБЛЮДАТЕЛЯМИ

Ответственный редактор Кирилл Красник
Редактор Инна Стреблова
Художественный редактор Илья Кучма
Технический редактор Татьяна Раткевич
Компьютерная верстка Елены Долгиной
Корректоры Валентина Гончар, Елена Шнитникова
Главный редактор Александр Жикаренцев

Подписано в печать 26.03.2018. Формат издания 84 × 108¹/₃₂.
Печать офсетная. Тираж 2000 экз. Усл. печ. л. 18,33. Заказ №

Знак информационной продукции
(Федеральный закон № 436-ФЗ от 29.12.2010 г.):

16+

ООО «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“» —
обладатель товарного знака АЗБУКА®
115093, г. Москва, ул. Павловская, д. 7, эт. 2, пом. III, ком. № 1
Филиал ООО «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“» в Санкт-Петербурге
191123, г. Санкт-Петербург, Воскресенская наб., д. 12, лит. А

ЧП «Издательство „Махаон-Украина“»
04073, г. Киев, Московский пр., д. 6 (2-й этаж)

Отпечатано в соответствии с предоставленными материалами
в ООО «ИПК Парето-Принт».
170546, Тверская область, Промышленная зона Боровлево-1, комплекс № 3А.
www.pareto-print.ru

ПО ВОПРОСАМ РАСПРОСТРАНЕНИЯ ОБРАЩАЙТЕСЬ:

В Москве: ООО «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“»
Тел.: (495) 933-76-01, факс: (495) 933-76-19
E-mail: sales@atticus-group.ru; info@azbooka-m.ru

В Санкт-Петербурге: Филиал ООО «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“»
Тел.: (812) 327-04-55, факс: (812) 327-01-60. E-mail: trade@azbooka.spb.ru

В Киеве: ЧП «Издательство „Махаон-Украина“»
Тел./факс: (044) 490-99-01. E-mail: sale@machaon.kiev.ua

Информация о новинках и планах на сайтах: www.azbooka.ru, www.atticus-group.ru

Информация по вопросам приема рукописей и творческого сотрудничества
размещена по адресу: www.azbooka.ru/new_authors/

Y-AUM-19541-01-R